

ТРАВА VERSUS GRASS: ПРИРОДА ИЛИ КУЛЬТУРА?

Статья представляет собой попытку выявить содержание концепта 'трава/grass' и его когнитивных признаков через анализ ассоциативных полей, представленных в ассоциативных тезаурусах русского и английского языков, что позволяет выделить универсальные и идиоэтнические составляющие в структуре концепта. Реконструируемый через ассоциативное поле концепт 'трава' позволяет проследить противопоставление «цивилизованная жизнь» — «жизнь, далекая от цивилизации», при этом в английской лингвокультуре эта грань оказывается размытой. Для выявления эмоциональной и символической составляющей концепта привлекаются прозаические и стихотворные тексты.

Пишут, что хорошо выезжать из Москвы, потому что, дескать, сразу окунешься, во-первых, в травяную русскую природу...

А. Платонов. Че-че-о.
(Областные организационно-философские очерки).

...нет ничего приятнее глазу, чем всегда аккуратно подстриженная зеленая трава.

Ф. Бэкон. О садах.

В лингвистических исследованиях последних лет наметились различные подходы к выявлению содержания единиц национальной концептосферы — концептов. В работах лингвокультурологического направления можно встретиться с утверждением, что «концептами культуры, отражающими национальную картину мира, следует считать концепты, обозначаемые *безэквивалентными* единицами¹». Мы же считаем, что свойством выражать специфику картины мира обладает практически *каждая* единица национальной концептосферы, ибо она отягощена целым спектром ассоциаций, связанных с ней в лингвокультурной среде ее функционирования. Покажем это, обратившись к контрастивному анализу концепта «трава» в русском и англосаксонском национальном сознании.

В нашей работе мы предлагаем реконструировать компоненты концепта «трава», опираясь на данные ассоциативных словарей русского и английского языков², а также через обращение к текстам художественных произведений русской и англоязычной литературы. Вслед за представителями Воронежской концептологической школы считаем, что в ас-

социативных полях вербализуются определенные когнитивные признаки концепта, стоящего за словом-стимулом³. Чтобы их выявить, необходимо провести когнитивную интерпретацию результатов ассоциативного эксперимента, сгруппировав полученные ассоциаты на основе ограниченного числа направлений ассоциирования, скрытых за видимым многообразием реакций. Эти основные ассоциативные линии, приравненные нами к когнитивным признакам, позволяют выделить универсальные и идиоэтнические составляющие в структуре концепта 'трава'. Привлечение материала художественных произведений направлено на реконструкцию интерпретационного поля концепта в русской и англосаксонской лингвокультуре и выявление его символических потенций.

Самая частотная реакция на стимул «трава» в Ассоциативном тезаурусе русского языка — «зеленая» (примерно треть всех ответов). Такой результат, на наш взгляд, абсолютно закономерен, так как именно трава является естественным прототипом для зеленого цвета, на что указывает в своих работах А. Вежбицкая⁴.

Аналогична картина в тезаурусе английского языка, где реакция green на стимул grass составила более половины всех ответов. И в англосаксонской культуре трава прочно ассоциируется с зеленым цветом, и, наоборот, зеленый цвет определяется как «цвет травы»: «something that is green is the same colour as grass»⁵. Между прочим, цветовой маркер травы не является универсальным: как отмечает Ю. Н. Караулов, в сознании испанцев трава отчетливо ассоциируется с желтым, а не с зеленым цветом⁶.

Связь травы и зеленого цвета эксплицирована в словарных дефинициях русских и английских словарей. Ср.: «Трава — растение с однолетними зелеными не подвергающимися одревенению мягкими побегами // зеленый покров земли из таких растений»⁷. Grass, соответственно, определяется следующим образом: «Grass a very common plant with thin green leaves that covers the ground» (Macmillan).

Характер словарных определений позволяет сделать вывод о типе концепта, репрезентированного лексемой «трава»: в терминологии Воронежской концептологической школы это «мыслительная картинка», т. е. концепт с чувственно воспринимаемым ядром. Когнитивный признак «перцептивные свойства травы» является, соответственно, одним из основных в структуре русского и английского концепта. Приведем наиболее частотные реакции разных модальностей:

- зрительной — *высокая, густая, сочная, сухая, грязная, пожухлая*; в том числе цветовой — *зеленая, зелень, изумрудная, желтая, блеклая* и др.;
- тактильной — *мягкая, бархатная, мокрая, жгучая* и др.;
- обонятельной — *ароматная, запах, пахнет свежестью* и др.;
- вкусовой — *горькая, горечь*;
- звуковой — *шуршит, шорох, шелест*.

Некоторые из реакций являются оценочными (*изумрудная, бархатная, ароматная, грязная, мягкая*).

По данным «The Associative Thesaurus of English», в англосаксонской лингвокультуре более скромным оказывается как количество представленных перцептивных модальностей, так и количество реакций в пределах самой модальности. Тем не менее словарь регистрирует в качестве реакции родовое понятие feeling (ощущение, чувство). Из упомянутых выше модальностей в прямом словаре встречаются экспликативы зрительной модальности (*high/высокая, long/длинная*), с единственным представителем ее цветовой компоненты (*green*), а также тактильной — *damp* (влажная). Данные обратных реакций несколько расширяют состав перцептивных ассоциатов зрительной и тактильной модальностей. Зрительная модальность восприятия актуализируется в прилагательных *luscious* (сочный), *gross* (буйная, пышная), *lithe* (гибкая), *scraggy* (чахлая). Интересен и цветовой компонент: *blue* (синий, голубой), входящий в состав композита *bluegrass* — музыка «блуграсс» (разновидность музыки «кантри»), в основе которого лежит метонимический перенос: *bluegrass* — пырей, *Bluegrass State* — «штат голубой травы», прозвище штата Кентукки, являющегося центром так называемого «голуботравья» (*bluegrass region*)⁸.

Тактильная модальность обнаруживается в ассоциациях *dew* (роса), *moisture* (влага), *bent grass* (жестковолосистые травы). В отличие от русской лингвокультуры, обонятельная, вкусовая и звуковая модальности в ассоциативном словаре английского языка не представлены, что является косвенным свидетельством меньшей когнитивной выделенности этих составляющих перцептивного поля для представителей англосаксонской культуры.

Совокупность ассоциаций указанной области позволяет определить траву как биологический тип с набором присущих ему признаковых характеристик, которые уточняются видовыми модификациями травы, ее, так сказать, типичными представителями в русском и англосаксонском национальном сознании.

К типичным представителям «травы» в английском национальном сознании относятся clover (клевер)⁹, sedge (осока) и род сорных трав, объединенных общим названием weed(s). В русском к их числу относятся *полынь, лебеда, осока, лопух, одуванчик* и целая группа лекарственных растений, для номинации которых в английском языке существует отдельная лексема «herb»: *зверобой, пустырник, тысячелистник, подорожник*.

В этом же аспекте могут быть рассмотрены реакции «лечебная» и «приворотная». Ассоциативное поле дает пример и маргинального использования травы — марихуана (прямой словарь), кокаин, курить (обратный словарь). В английском наркотическое применение травы представлено более полно. Реакции этого типа могут быть упорядочены через фрейм, о чем свидетельствуют лексемы, зафиксированные в основном обратным ассоциативным словарем: hash (разг. гашиш, марихуана), smoke (курить, дым), ash-tray (пепельница), nausea (тошнота), оценка действий — bad habit (дурная привычка), и даже отношение государства к этому противоправному действию — преследование со стороны агентов федерального бюро по наркотикам, что передается стилистически сниженной лексемой gazer (от англ. глагола gaze — пристально глядеть, вглядываться).

Через эти реакции эксплицируется когнитивный компонент «использование травы», специфично представленный в русском национальном сознании. Как отмечает Ю. Н. Караулов, материалы словаря позволяют говорить об отсутствии в русском языковом сознании горожанина¹⁰ активной позиции по отношению к траве (типа *косить*) и преобладании позиции созерцателя (типа *скошенная, сено*). Действительно, предикативные реакции на стимул «травы» включают лексему в синтагмы преимущественно в позиции субъекта: *растет, не растет, завяла, заросла*. Данные обратного словаря содержат объектные позиции словоформы, но они явно «непродуктивного» типа: *топтать, нюхать, ползать,*

лежать и др. Трва-объект представлена и в английском языковом сознании: roll (кататься), rest (отдыхать), sleep (спать) и др. Однако в отличие от русского языкового сознания, в английском преобладает активная позиция по отношению к траве. Эта идея передается целым рядом лексем, обозначающих процесс — weeding (прополка), cutting (срезание), cropping (подстригание, подрезание); инструмент для подрезания / подравнивания / уборки травы; деателя. Часто для обозначения инструмента и деателя используется одна и та же лексема: mower (косилка, сенокосилка, а также косец).

Количество номинаций инструментов (представленных особенно широко в обратном словаре) свидетельствует о хорошей проработанности этого участка картины мира: scythe (коса), mower (косилка, косец), sickle (серп), shears (большие ножницы), clippers (садовые ножницы), scroper (косилка, жнейка, а также косец, жнец), raker (грабли, а также человек, работающий граблями) и др.

С идеей прополки связана вторая по частоте реакция grass в прямом словаре — roots (корни). Надо полагать, что именно к этому понятию восходит фразеологизм «grass roots» — the ordinary people in a community, country, society, or organization rather than its leaders» (Macmillan) — «простые люди», «широкие массы» и соответствующее ему прилагательное (правда, стилистически маркированное как разговорное) — «стихийный, возникший в народе»¹¹. В основе метафорического переноса grass roots лежит, по нашему мнению, признак «большой массы», поскольку трава имеет разветвленную корневую систему.

Идея «стрижки / подравнивания травы» занимает прочное место в англосаксонской лингвокультуре. Мысль, высказанная известным английским философом Фрэнсисом Бэконом в эссе «О садах» более 400 лет назад и вынесенная нами в эпиграф, не потеряла своей актуальности и для современного англичанина: «The green hath two pleasures: the one because nothing is more pleasant to the eye

than green grass kept finely shorn» (*Francis Bacon. Of Gardens*).

Стрижка и подравнивание травы — не просто традиция, а, пожалуй, и культ. И рассматривая *траву* под этим углом, мы вряд ли сможем удивиться существованию необычного (для русского менталитета) музея — British Lawnmower Museum (Британский музей газонокосилок), в котором представлены газонокосилки разных образцов (от простых до эксклюзивных), при этом специальная экспозиция представляет и владельцев этих престижных сельскохозяйственных орудий (например, принца Чарльза).

Если причину своеобразной русской «созерцательности» по отношению к траве Ю. Н. Караулов усматривает в том, что все информанты были городскими жителями¹², и «хозяйственные» функции травы для них неактуальны, то в англосаксонской культуре «активное воздействие на траву» осуществляется не только в сельской местности, но и в городской черте, что объясняется жизненным укладом горожан, часть которых проживает в домах типа *semidetached* («полупотдельный» дом, половина двухквартирного дома с отдельным входом). К такому дому обычно примыкает небольшой участок земли, покрытый травой, которая требует ухода, в том числе и стрижки / подравнивания. Территория университета или колледжа — *campus* — обязательно включает парк, а также газоны. Заметим, что британский газон ассоциируется и с табличкой, в которой есть лексема *grass*: *Keep off the grass* (русск. «По газонам не ходить»). Очень интересно идеи газона и частного престижного образования в Британии (и то и другое, как известно, имеют прочные традиции) переплелись в одной из публицистических статей: «Да потому, что английское образование похоже на ...английский газон: он потому такой «волосатый», что за ним 300 лет ухаживали...»¹³.

Итак, специфической чертой английского мировидения является, на наш взгляд, большая «окультуренность» описываемого растительного феномена. Это

проявляется, в частности, и в наличии в составе ассоциативного поля особого сегмента, отражающего использование травы в спортивных состязаниях. Это прежде всего лексемы, обозначающие сами виды спорта: *tennis* (теннис на траве, лаун-теннис), *golf* (гольф), *rugger* (*разг.* регби). Представлены также и спортивные термины, связанные с этими видами спорта: *bowling* (подача мяча в крикете / бейсболе), *mallet* (молоток для игры в крокет, клюшка для игры в поло) и т. п.

В русской лингвокультуре, напротив, наиболее выделенным когнитивным знаком травы становится «принадлежность к растительному сообществу, миру природы в целом», противопоставленному цивилизованной жизни. Именно этот компонент предопределяет, на наш взгляд, такие реакции, как *цветы, дерево, растение, кустарник, лист, листва, земляника, дуб, с грибами*, акцентирующие связь травы с ее «соседями» по экологической нише; типичные места произрастания травы — *луг, деревня, лужайка, поляна, у дороги, берег, равнина, река* и др. (Реакция «газон» является единичной!) Данные обратного словаря значительно пополняют «животный» сегмент поля, представленный в прямом словаре только реакцией «лошадь»: *корова, кобыла, кролик, бабочка, теленок, коза* и др.

Принадлежность к растительному сообществу представлена, конечно, и в ассоциациях англоговорящих. «Соседями» травы по экологической нише являются *reed* (тростник), *shrub* (кустарник), *bushes* (кусты), *flowers* (цветы), *trees* (деревья), в том числе и *apple-tree* (яблоня), *acorn* (желудь), *mushroom* (гриб), включая и ядовитые *toadstool* (поганка). Наряду с перечисленным можно также отметить ягоды — *blueberry* (черника, брусника, голубика), *fungus* (низшие грибы), *lichen* (мхи и лишайники). Типичные места произрастания травы — *field* (поле), *lawn* (лужайка), *garden* (сад), *hills* (холмы), *mountain* (гора). Среди интересных (поскольку они являются типично британскими) можно указать реакции *Hyde*

Park, London, а также Windsor (одна из официальных загородных резиденций английских королей).

«Животный сегмент», находящийся в целом ближе к периферии, представлен в английском разнообразнее, чем в русском. Стойкой реакцией на grass является horper — прыгающее насекомое (кузнечик, блоха и т. п.), что несложно объяснить, поскольку этот компонент входит в состав сложного слова grasshopper — кузнечик. Аналогично объясняется и реакция snake (змея), поскольку в английском существует словосочетание grass snake (уж обыкновенный). «Животный» сегмент значительно расширяется данными обратного словаря, в котором есть представители дикой природы: moles (кроты), fox (лиса), hares (зайцы), partridge (куропатка). Представлены также и домашние животные — goats (козы), lambs (ягнята) и т. п. (Ср. фрагмент сельской жизни, ассоциирующейся с разведением домашних животных, для которых трава является кормом, в известной английской скороговорке: Three grey geese on the green grass gazing). Есть и представители низших классов — insects (насекомые), worms (черви). Для насекомых и диких животных трава является средой обитания.

Итак, в русском языковом сознании трава — это полноправный член растительного и, шире, природного мира, питаемый солнцем, дождем и землей, произрастающий вдали от городской суеты весной и летом, служащий кормом животным и используемый человеком в утилитарных (лекарственная) и психотерапевтических целях (удовольствие, отдохнуть, расслабиться).

В английском языковом сознании grass — также член растительного мира, встречающийся в дикой природе и произрастающий в разных типах ландшафта, но чаще «окультуренный» — высаживаемый, пропалываемый и подстригаемый — и используемый для отдыха и занятий спортом.

Второй определяющей особенностью ассоциативного поля концепта «трава» в

русском языковом сознании является выделение в нем значительного по объему реакций сегмента прецедентных текстов. Высказанное психолингвистами положение о том, что ассоциативные реакции в значительной степени отражают текстовые связи слов, полностью подтверждается данными проанализированных словарных статей.

Реакции прецедентного типа подразделяются на три группы — фольклорного, песенного и литературного происхождения.

К последнему, самому малочисленному типу, мы отнесли реакции типа *зеленеет* (отсылка к известному стихотворению А. Н. Плещеева «Травка зеленеет...»), хотя возможны и чисто перцептивные истоки этой ассоциации), *забвения* (ср. заглавие повести В. Катаева «Трава забвения»).

Значительно большее количество ассоциаций отсылает к строкам песен, популярных в годы проведения эксперимента. Это известный шлягер группы «Земляне» «Трава у дома» [ассоциации у дома (26 раз!), в иллюминаторе, снится, возможно также *земная* и *земля*] и песня в исполнении «Самоцветов» «На дальней станции сойду» [реакция *по пояс* (три раза)]. Нельзя исключить возможность песенного происхождения реакции *роса* (ср. песню в исполнении С. Белова «Травы, травы...»).

Но наиболее многочисленна первая группа ассоциаций. Она включает отсылки к поговоркам и фразеологизмам «трын-трава» («все ничем, не имеет значения») ¹⁴; «травой сыт не будешь», «хоть трава не расти» («выражение полного равнодушия, безразличия к чему-либо»), «тише воды ниже травы» («робкий, скромный, незаметный»); к народным песням («Травушка-муравушка зелененькая»). К этому же типу нами отнесена фонетическая реакция «трава — дрова», отсылающая, на наш взгляд, к скороговорке «На дворе трава, на траве дрова». Восстановленные на основе реакций прецедентные тексты позволяют проявить оценочный слой в содержании

концепта в его интерпретационном поле: паремии представляют траву как нечто привычное, постоянное, малоценное; «ничтожное, вздорное, пустое, не стоящее уважения, внимания»¹⁵. Эстрадные песни, выражающие позицию носителя городской культуры, ассоциируют с травой ценности простой несуетной жизни на лоне природы, красоту родных мест, подлинность и искренность человеческих чувств и даже сущность земной цивилизации.

В ассоциативном тезаурусе английского языка к реакциям прецедентного типа может быть отнесена лексема *dwarf* (*фольк.* гном). Хотя возможна и иная интерпретация реакции *dwarf* — карликовое растение (см. примеч. 11). В ассоциативном словаре, как в прямом, так и в обратном, зафиксирована лексема *widow* (вдова), являющаяся фрагментом фразеологизма *grass widow* (соломенная вдова). Других фрагментов фразеологических единиц обнаружить не удалось.

Тем не менее фразеологизмы с лексемой *grass* составляют определенный пласт, который целесообразно рассмотреть. В «Англо-русском фразеологическом словаре» под редакцией профессора А. В. Кунина представлено 10 фразеологизмов с компонентом *grass*. Во фразеологизмах прежде всего актуализируется когнитивный компонент «отдых», «отсутствие работы» — *to be (run) at grass* («быть на отдыхе, сидеть без дела»), связанное с субъектом. Но человек может выступать и в качестве объекта, например, *to send somebody to grass* («отправить отдыхать, уволить»). Разное состояние травы выражено в паремии *between grass and hay* (*амер.* «в юношеском возрасте», букв. уже не трава, но еще и не сено), в которой прослеживается ассоциативная связь «зеленый — молодой». Зеленая трава как нечто простое, но одновременно и привлекательное, чему можно позавидовать, находит отражение во фразеологизме *the grass is always greener on the other side of the fence* (травы всегда зе-

ленее по другую сторону забора). Интересна и многозначность фразеологизма *to go to grass*, в котором в основе переноса лежат разные признаки: быть сбитым с толку; отправляться на тот свет; уйти в отставку, перестать работать.

Такое качество травы, как быстрый рост и неприхотливость, отражается в устойчивом словосочетании *grass does not grow under one's feet* (не теряет времени даром, букв. трава не растет под чьими-либо ногами), а также *let the grass grow under one's feet*. Правда, существует и противоположная оценка — скорость роста травы может быть явно недостаточной, что отражено в пословице *while the grass grows the horse (steed) starves* (*ср. с русской:* пока трава вырастет, лошадь околеет).

Обращение к художественным произведениям английской литературы¹⁶ показывает, что в прозаических текстах через лексему *grass* в основном актуализируются признаки, входящие в базовый слой концепта, отражающие перцептивные качества (зеленая, высокая и т. п.) и связанные, скорее, с рациональным, логическим восприятием, хотя в художественных текстах и эти признаки могут нести дополнительную смысловую нагрузку.

Лексема *grass* сравнительно часто встречается в детской художественной литературе, в том числе и в авторских сказках, многие из которых стали мировым достоянием (например, сказки Л. Кэрролла, Дж. Барри, Ф. Баума). Это неудивительно, поскольку сенсорное восприятие играет большую роль в познании мира ребенком: «They thanked him and bade him good-bye and turned to the West, walking over fields of soft grass dotted here and there with daisies and buttercups» (*The Wizard of Oz. Ch. 12*)¹⁷ («Они поблагодарили его и попрощались с ним и пошли на запад, по полям и мягкой траве, усеянной маргаритками и лютиками»). Заметим, что совсем иной была трава в самом начале путешествия, когда герои сталкиваются с трудностями и преодолевают немало препятствий, и через траву, точнее, ее неестественный — си-

не-зеленый — цвет (и землю, на которой она растет) передается соответствующая атмосфера: «The sun had baked the plowed land into a gray mass, with little cracks running through it. Even the grass was not! green» (Ch. 1) («Солнце иссушило вспаханную землю, превратив ее в серую потрескавшуюся массу. Даже трава была не зеленой».)

В следующем примере одновременно реализуются две модальности — зрительная (*long*) и слуховая (*rustle*): «The long grass rustled at her (Alice's) feet as the White Rabbit hurried by» (Ch. 1) («Высокая трава прошелестела у ног Алисы, когда мимо прошмыгнул Белый кролик»).

Трава с ее перцептивными свойствами является неотъемлемым компонентом пейзажных зарисовок, в которых присутствует и эмоциональное начало, как, например, в романе Джейн Остин «Разум и чувствительность»: «Where there was something more of wildness Where the trees were the oldest and the grass was the longest and the wettest» («Где было что-то от дикой природы, Где деревья были самыми старыми, а трава — самой высокой и влажной»). Дикая природа, элементом которой является высокая трава, вызывает благоговение и трепет, создает атмосферу чего-то таинственного и неизведанного.

Эмоциональная составляющая связана с зеленым цветом травы, который воспринимается как нечто совершенное, вызывающее радостные чувства и даже состояние экстаза (ср. буйство зелени и чувств): «Such perfect colour I never saw — the grass so green, sky so blue — I was in rapture all the way» (Alcott. Little Women) («Такого прекрасного цвета я никогда не видел — трава была такой зеленой, небо таким голубым. Всю дорогу я был в восторге»).

С одной стороны, трава является источником эмоций и чувств, с другой — искренние и свежие эмоции и чувства могут сравниваться с молодой травой: «All sorts of pleasant things happened about that time, for the new friendship flourished

like grass in spring» (Alcott. Little Women) («Где-то в это время происходили разного рода приятные вещи, поскольку дружба наша буйно разрасталась подобно траве весной».)

Естественное природное качество травы — рост — прослеживается и в этимологии слова *grass*, которое восходит к древнеанглийскому глаголу *growan* (*grow* — расти). Это качество травы фиксируется многими классиками. Так, Гамлет обращается к Розенкранцу со следующими словами: *Ay, sir, but while the grass grows* (Всегда, сэр, но пока растет трава). В этой фразе реализуется переносное значение «пока дела идут своим ходом».

Трава, молодость, безмятежность и счастье — эти понятия оказываются связанными друг с другом. Показательным в этом плане является автобиографическое стихотворение Д. Томаса *Fern Hill* («Папоротниковый холм» — название фермы, где прошло детство автора): *Now as I was young and easy under the apple boughs About the liting house and happy as the grass was green* («и счастлив, поскольку трава зеленой была»). Через траву зеленый цвет становится доминантой, реализуясь и в переносных значениях (неопытный, молодой, полный сил и др.: *And green and golden I was; Time held me green.*)

В стихах современных английских поэтов можно найти связь двух концептов: *дети* и *трава*. Чистота и непорочность детей, их открытость, любознательность — это естественные, природные качества. Природе, как и детям, чужда претенциозность: *How passionately he sees His split minnows flounder in the grass* (Как увлеченно он смотрит на рассыпавшихся по траве и барахтающихся в ней пескарей)¹⁸. Однако связь *трава* — *дети* может приобретать и тревожные, и даже трагические нотки, о чем свидетельствуют стихотворения Стивена Спендера. В одном из них мальчики играют в увядшей траве, что связывается с самолетом в воздухе и сопряженной с ним опасностью полета: *Where boys play all day*

Hacking dead grass¹⁹. В другом стихотворении речь идет о безнадежно больной девочке по имени Маргарет, и трава навевает тему смерти: Poor child, you wear your summer dress And your shoes striped with gold As the earth wears a variegated cover of grass and flower (*Spender S. Elegy for Margaret*) (Бедное дите, ты носишь летнее платье и туфельки с золотыми полосками, в то время как земля облачена в пестрый наряд из травы и цветов).

Устойчивое выражение to hear the grass grow (слышать, как растет трава) актуализируется в повести Трумэна Капоте «The Grass Harp» (известной русскоязычному читателю под названием «Луговая арфа»). Способностью тонко чувствовать и понимать природу, видеть ее красоту наделяется героиня повести, немолодая женщина по имени Долли. Этот же фразеологизм, дающий эмоциональный заряд читателю, встречается и в начале знаменитой пьесы для голосов Д. Томаса «Under Milk Wood» («Под сенью Молочного Леса»): Listen. It is night moving in the streets it is the grass growing on Lluregub Hill (Прислушайтесь. Это ночь, которая идет по улицам, это трава, которая растет на холме Лларегаб).

Символика жизни-травы, которую скашивают и которой приходит конец, прослеживается в следующих строках из поэмы Дж. Байрона «Дон-Жуан»: All things that have been born were born to die, And flesh which Death mows down to hay is grass. Человеческая плоть предстает в виде травы (flesh is grass), а косцом выступает смерть — Death mows (букв. смерть косит), превращая траву в сено — hay. Приведем еще один пример: They fell as thick as harvest beneath hail Grass before scythes or corn below the sickle (И их прибило, и они пали, как урожай под градом, как трава под косой или пшеница под серпом).

Образу травы в русской поэзии приуси более яркие символические напластования. Художественный концепт «трава» реконструируется нами на основе анализа словоупотребления русских

поэтов XX века (С. Есенина, А. Ахматовой, Г. Иванова, А. Твардовского, А. Тарковского). Можно утверждать, что он вбирает в себя основные когнитивные признаки национального концепта и кладет их в основу символических ассоциаций, которые могут носить индивидуально-авторский характер.

В лирике А. Ахматовой образ травы имеет две основные устойчивые ассоциации. В первых сборниках осенняя желтая трава — символ трагической любви («Память о солнце в сердце слабеет. Желтей трава»; «Песенка»; «Любовь покоряет обманно...»). Начиная с двадцатых годов образ травы устойчиво связывается с темой творчества: «А я иду владеть чудесным садом, Где шелест трав и восклицанья муз». Естественный и неизбежный процесс «прорастания» поэтического слова ассоциируется в авторском сознании с жизненной силой неприхотливых травянистых растений (цикл «Тайны ремесла»).

В поэзии Г. Иванова в образе травы актуализируется коннотация вечного круговорота в природе (именно эта общеязыковая ассоциация отражена в толковании словаря Даля: «Трава — всякое однолетнее растение, у которого стебель к зиме вянет, а весной от корня идет новый»²⁰): «Так же небо синело и травы дымились сырые В час, когда пробиралась с младенцем в Египет Мария».

Начиная со сборника «Сады», эта коннотация осложняется ощущением трагической исключенности из постоянно возобновляемого природного цикла отдельной человеческой жизни. На основе этой коннотации рождается индивидуально-авторский символ травы, некрологическая семантика которого поддерживается контекстным соположением с традиционным образом смерти-калитки (отверстия) и смерти-забора (преграды): «Что-то сбудется, что-то не сбудется. Перемелется все, позабудется... Но останется эта вот, рыжая, У заборной калитки трава». Некрологический характер образа актуализируется поэтом и в используемых им общеязыковых фразеологизмах

(трын-трава; слышно, как трава растет²¹: «Слышишь, как растет трава, Как жазбанд гремит в Париже — И мутнеющая голова Опускается все ниже. Так и надо. Голову на грудь Под блаженный шорох моря или сада. Так и надо — навсегда уснуть, Больше ничего не надо».

В поэзии С. Есенина трава выступает главным образом как атрибут деревенского пейзажа, родных мест. Наиболее актуальны для него ассоциации трава — детство, родина, дом, крестьянский труд: «Родился я с песнями в травном одеяле, Зори меня вешние в радугу свивали»; «Размахнулось поле русских пашен, То трава, то снег...»

Интересно в этом отношении стихотворение «Я иду долиной. На затылке кепи», построенное на оппозициях мир цивилизации/деревня, поэтическое мастерство/крестьянский труд, чужое/свое, мнимое/истинное, внешнее/внутреннее и т. п. Образ травы связывается со вторым, положительно маркированным, членом указанных оппозиций. На вызов косарей — мужиков и баб: «Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был? Размахнись косою, покажи свой пыл» Поэт отвечает: «К черту я снимаю свой костюм английский. Что же, дайте косу, я вам покажу — Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий, Памятью деревни я ль не дорожу? Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки. Хорошо косою в утренний туман Выводить по долам травяные строчки, Чтобы их читали лошадь и баран». «Травяные строчки», в которых и песня, и слово — оригинальный авторский образ, воплощающий идею «отприродности», естественности поэтического таланта, питаемого связью с родной землей.

Думается, именно эту линию ассоциирования развивает философская лирика А. Тарковского. Для А. Тарковского трава — прежде всего один из компонентов зеленого мира. Как отмечает Л. П. Черкасова, основная идея поэзии А. Тарковского — единство, связь поэта с миром природы, особенно со всем растущим, которое представляется источни-

ком творческих сил. «Из взаимосвязи творчества и природы, питающей его, возникает форма обращения к траве как символу мира растений: «Дай каплю мне одну, моя трава земная, Дай клятву мне взамен — принять в наследство речь...»²² В стихотворении «Масличная роща», подводя итоги творческого пути, поэт говорит о своих стихах: «Пусть рассыплется прахом, Пусть травой прорастут, Обернутся листвою древесной». Идея круговорота природного и духовного, их вечной взаимосвязи коррелирует с другой символической ассоциацией: трава — знак превращения человеческой жизни в растения, возвращения человека в лоно матери-земли: «За то, что в родимую, душную землю сойду, В траву перельюсь, За то, что мой путь — от земли до высокой звезды, Спасибо скажу».

«Крестьянский» сегмент ассоциаций, связанных с травой, наиболее интересно воплощен в поэме А. Т. Твардовского «Страна Муравия». Сюжет поэмы традиционен для русской литературы: крестьянский странник Никита Моргунок отправляется, как некогда герои Н. А. Некрасова, на поиски счастья, старинной Муравской страны, где «земля в длину и в ширину — кругом своя». Финал поэмы, законченной в 1936 году, пророчески неутешителен: «Была Муравская страна, и нету таковой. Пропала, заросла она Травую-муравой». Созданный талантливым, честным художником образ травы антимично сочетает в себе и представления о крестьянском счастье («Как будто слышу стук копыт, Вздыхает конь живой. Трава росяная скрипит, И пахнет той травой...»), и трагическое предощущение гибели крестьянской России («заросла она Травую-муравой»).

Неожиданную интерпретацию получает образ травы-муравы в цикле путевых заметок Ф. А. Абрамова «Трава-мурава». Название произведения, представляющего собой короткие невыдуманные истории из жизни деревенских старожилов, подчеркнута символично: символика образа раскрывается в неавто-

ризованном эпитафии с многозначительной пометой «из разговора». Приводимые в нем слова получают статус безымянной народной мудрости: «Травка-муравка что, не знаешь? Да чего знать-то? Глянь под ноги-то. На травке-муравке стоишь. Все, все трава-мурава. Где жизнь, где зелено, там и трава-мурава. Коя кустышком, коя цветочком, а коя и один стебелек, да и тот наполовину ошипан — это уж как бог даст». На эксплицитированные в эпитафии ассоциации *трава — жизнь, трава — опора* накладываются нехитрые сюжеты человеческих судеб, типы народных крестьянских характеров, воплощающих в себе, по мысли писателя, основные черты национального мироощущения, стойкость и жизненную силу русского человека.

В какой-то мере сходные коннотации приобретает образ травы в творчестве американского поэта Уолта Уитмена (1819—1892), автора книги «The Leaves of Grass» («Листья травы»), пропагандировавшего идеи об очищающей человека близости к природе. Эти идеи приобретают вселенский масштаб: любой человек и любая вещь воспринимаются автором как нечто священное. В книге, название которой представляет метафору, чувство родства со всеми людьми и всеми явлениями окружающего мира выражены посредством преобразования лирического героя в других людей и неодушевленные предметы. Трава, связывая поколения, выступает как символ вечности, она обладает большой жизненной силой, хотя является и простой, безыскусной. И в этом заключен глубокий философский смысл: *A child said What is grass?... How could I answer the child? (Дите спросило, что есть трава?... Что я ему ответить мог?)*

Вечно обновляющаяся трава связана с круговоротом жизни: *Oh I guess the grass is itself a child, the product babe of the vegetation.* Тема жизни переплетается с темой смерти в метафоре *the beautiful uncut hair of graves* (прекрасные волосы

могил). Трава, как отмечает М. М. Маковский²³, связана с индоевропейским корнем *ker — «волосы» (англ. hair). Таким образом, в авторской метафоре, возможно, актуализируется этимологический слой концепта.

Идея вечности мира, вселенной, непреходящей значимости простого, природного, передаются через ассоциацию травы со звездами: *I believe a leaf of grass is no less than the journey of the stars.* Трава, растущая везде и всюду, покрывающая поле битвы, где ее обгаряет кровь раненых солдат, связывается с темой смерти: *Where their priceless blood reddens the grass on the ground.* Но трава символизирует и жизнь: *Amid the grass in the fields endless grass* (Среди травы в полях бесконечной травы).

Такая амбивалентная оценка травы присуща и русскому поэтическому сознанию.

Итак, контрастивный анализ узуальных и текстовых ассоциаций позволяет выделить универсальные составляющие в содержании концепта «трава». Как в русском, так и в англосаксонском национальном сознании, это концепт с чувственно воспринимаемым ядром и актуализированными перцептивными признаками (особенно цветовыми). Ярким когнитивным признаком является 'принадлежность к растительному сообществу и миру природы в целом'.

К идиоэтническим составляющим могут быть отнесены элементы звуковой, вкусовой и обонятельной модальности, пассивность восприятия этого феномена в русском национальном сознании и «окультуренность» травы в англосаксонском менталитете.

В произведениях англоязычной литературы основными символическими коннотациями, связанными с травой, являются 'жизненная сила', 'молодость', 'безмятежность'. В русском художественном сознании центральными ассоциациями являются трава — жизнь, трава — творчество, трава — единство духовного и природного.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Нерознак В. П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. С. 85.
- ² Ассоциативный тезаурус современного русского языка. М., 1996; *Kiss G., Armstrong C., Milroy R.* The Associative Thesaurus of English. Edinburg, 1972.
- ³ Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002. С. 56–58.
- ⁴ *Вежбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–290.
- ⁵ Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. 2002. (Macmillan).
- ⁶ *Караулов Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. С. 63–65.
- ⁷ МАС. Т. IV. С. 393. Здесь и далее МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1984.
- ⁸ *Томахин Г. Д.* США. Лингвострановедческий словарь. М., 1999. С. 64.
- ⁹ Об актуальности этого понятия свидетельствует и фразеологизм to be (live) in clover — жить без забот, припеваючи.
- ¹⁰ Именно этот социальный слой обеспечивал репрезентативность выборки РАС.
- ¹¹ Новый Большой англо-русский словарь / Под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. В 3 т. М., 1993.
- ¹² *Караулов Ю. Н.* Цитир. изд. С. 65.
- ¹³ *Сергазиева Р.* Мальчики в цилиндрах. Аргументы и факты. № 17. 2003, апрель.
- ¹⁴ Здесь и далее толкования фразеологизмов приводятся с по изданию: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986.
- ¹⁵ Толкование композита «трынтрава» Далем: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1981. С. 438.
- ¹⁶ Нами были просмотрены антологии, а также привлекалось сравнительно большое количество классических произведений, существующих в электронном варианте и снабженных системой поиска по ключевому слову.
- ¹⁷ «Удивительный волшебник страны Оз», известный русскому читателю в переложении А. Волкова как «Волшебник изумрудного города».
- ¹⁸ *Reeves J.* The Little Brother // The Penguin Book of Contemporary Verse. 1972. P. 218.
- ¹⁹ *Spender S.* The Landscape near an Aerodrome // The Penguin Book of Contemporary Verse. P. 222.
- ²⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1981. С. 424.
- ²¹ Мы уже писали, что аналогичный фразеологизм существует и в английском языке: to hear how the grass grows («слышать, как трава растёт» — отличаться исключительной остротой восприятия).
- ²² *Черкасова Л. П.* Слово «трава» в поэтической речи А. Тарковского // Вопросы стилистики. Вып. 24. Саратов, 1992. С. 60.
- ²³ *Маковский М. М.* Историко-этимологический словарь современного английского языка. М., 1999.

A. Tarasova, L. Semeyn

TRAVA VERSUS GRASS: NATURE OR CULTURE?

The paper is an attempt to reconstruct the concept GRASS and its cognitive constituents by means of the analysis of the associative fields represented in the respective thesauri of the English and Russian languages. Such an approach facilitates the identification of universal as well as idioethnic constituents of the concept GRASS. Through this concept civilized and non-civilized lifestyles are opposed to each other, the demarcation line between them in the English language being rather indistinct. To make the investigation complete and to reveal the emotional and symbolic constituents artistic texts (both prose and poetry) are resorted to.